DOI 10.15826/izv2.2016.18.3.055
УДК 342.56 + 343.81(470.5) +
+ 343.81(571.1)

Е. В. Бородина
Институт истории и археологии УрО РАН
Екатеринбург, Россия

УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в. (на примере мест заключения Урала и Западной Сибири)

Статья посвящена малоизученным вопросам развития пенитенциарной системы в России первой четверти XVIII столетия. Основываясь на данных, содержащихся в нормативных правовых актах, документальных источниках и воспоминаниях иностранцев, побывавших в России в середине XVII — первой четверти XVIII в., автор реконструирует условия содержания заключенных с целью выяснить, насколько реформы Петра Великого повлияли на основные принципы организации тюрем и образ жизни заключенных в них арестантов. Сравнительно-исторический анализ позволил выявить частоту использования тюремного заключения как одного из видов наказаний того времени, а также обратиться к характеристике различий, существовавших в содержании колодников во второй половине XVII и первой трети XVIII в. Изучение источников и оценок состояния тюрем, содержащихся в историографии, показало отсутствие серьезных изменений условий содержания арестантов в России эпохи Петровских преобразований. Как и в предыдущем столетии, основным противоречием существования мест заключения являлось отсутствие внимания государства к проблеме их финансирования при стремлении диктовать жесткие требования к охране колодников. Правда, в отличие от XVII в. арестанты имели больше возможностей заработать на свое содержание, так как их труд очень часто использовался в заводских и иных вспомогательных работах.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Российская империя; реформы Петра Великого; пенитенциарная система; судебная система; история Урала; история Сибири; социальная история; история повседневности.

Первая четверть XVIII в. стала временем крупных государственных преобразований, составной частью которых являлось проведение судебной реформы 1717–1727 гг. Новое судоустройство предполагало организацию специализированных судебных учреждений — надворных и нижних судов, — которые предполагалось сделать независимыми от местной администрации. Правда, с 1722 г. большая часть из них вновь перешла под опеку уездных и губернских властей. Судебная реформа коснулась и мест содержания подследственных и заключенных.

В соответствии с новым государственным устройством судам следовало обзавестись собственными помещениями для этих целей. Несмотря на стремление

© Бородина Е. В., 2016

властей создать новую систему органов суда и следствия, идея о реорганизации мест заключения в нормативной документации периода реформ Петра Великого не прослеживается. В условиях уничтожения старых административных структур в центре и на местах вопрос о подчиненности прежних тюрем и создании новых был обойден вниманием преобразователей. В связи с этим проблема содержания заключенных в России первой четверти XVIII в. представляется одной из ключевых как для более глубокого понимания правовой ситуации в стране, так и для определения положения социальной категории «колодники» в активно модернизирующемся обществе.

Степень исследованности данного вопроса неоднозначна. Характеризуя условия тюремного содержания в XVII–XVIII вв., историки и юристы обращались к реконструкции условий жизни наиболее видных представителей российской истории. Они описывали быт оказавшихся в опале «раскольщиков и церковников» (протопопа Аввакума), провинившихся бояр — Артамона Матвеева и Михаила Никитича Романова, представительниц видных боярских и дворянских родов (боярыни Феодосии Морозовой, княгини Натальи Долгоруковой) [Мещанинов, с. 9–12; Пругавин].

Лишь немногие ученые, в основном занимающиеся исследованием политического сыска в России XVIII в., останавливались на вопросах содержания подследственных и преступников и условий работы с ними [Есипов; Анисимов; Курукин, Никулина; Акельев]

Анализ имеющейся литературы позволяет говорить о том, что в большинстве исследований данная проблематика рассматривается с точки зрения институционального или историко-правового подходов, когда история тюрем показана в связи с развитием государственных учреждений или представляется как один из элементов системы наказания. На фоне подобных научных работ тем ценнее оказываются сочинения, посвященные истории тюрьмы и ссылки в связи с историей людей, где тюрьма и политическое заключение рассматриваются как явления социальные, имеющие свою особенную специфику, а обстановка, в которую попадает арестант, рассматривается как среда, способная определить его будущую жизнь.

Все вышесказанное определяет фокус и подходы нашего исследования. Так как основное внимание в статье сосредоточено на выяснении условий жизни «рядовых» заключенных и подследственных, собирательным названием для которых являлся термин «колодники», базовой методологией исследования стала методология истории повседневности. Взгляд через призму подхода истории повседневности позволил не только выявить основные особенности образа жизни и бытовых условий в местах содержания заключенных, но и определить отношение общества к арестантам, установить господствовавшие взгляды по вопросу о необходимости тюремного заключения в России периода раннего Нового времени [Пушкарева].

В центре внимания данной статьи – вопрос, как изменились содержание и быт заключенных в результате преобразований первой четверти XVIII в. Мы

сосредоточились на изучении организации тюремного быта в западных уездах Сибирской губернии. Это позволяет отойти от истории изучения тюрем и колодничьих Москвы и столичного Санкт-Петербурга, описания и реконструкции которых содержатся в трудах И. В. Курукина, Е. В. Акельева и других авторов [Курукин, Никулина, с. 131–138; Акельев, с. 18–32], и обратиться к выявлению региональной специфики данного социального явления.

В статье использован широкий круг источников разной видовой принадлежности, среди них — законодательные акты, документы делопроизводства и повествовательные источники, представленные сочинениями иностранцев (воспоминания и дневниковые записки о путешествиях по России). Каждый вид источников по-своему отражает различные аспекты организации жизни и быта колодников. Законодательные акты позволяют увидеть позицию государства по исследуемой проблеме. Документы канцелярского делопроизводства дают ценные сведения, необходимые для реконструкции реальной ситуации в местах заключения. Содержащаяся в них прямая и косвенная информация предоставляет сведения о тюремной обстановке, материальном обеспечении, количестве заключенных, строгости охраны, а также об отношении к тюрьмам и арестантам в административных структурах региона.

Нарративные источники использованы нами с целью выявления сведений, которые были известны о местах заключения в России иностранцам. Несмотря на высокую степень субъективности данных источников и фрагментарность содержащейся в них информации, нами была произведена выборка сочинений, которые дают более точные сведения о распространенности тюремного наказания, о жизни и быте заключенных.

В частности, наше внимание привлекли труд А. Олеария, который получил признание среди современников и историков как одно из наиболее точных описаний России 1630-х — середины 1640-х гг. [Ловягин, с. 3; Олеарий], и воспоминания о пребывании в России военнопленного Северной войны К. фон Роланда [Roland]. Его воспоминания содержат ценные сведения об организации и быте тюрем западных уездов России, которые позволяют сопоставить ситуацию в местах заключения на западных и восточных «окраинах» страны. Ряд исследователей сходятся во мнении, что мемуары шведского офицера обладают высокой степенью достоверности. Тем не менее, следует отметить, что характеристика тюремных сооружений могла быть несколько преувеличена, чтобы усугубить драматизм событий, участником которых являлся сам автор. Кроме того, воспоминания, написанные в 1740-е гг., могли быть искажены временем [Balzamo, Joukovskaïa-Lecerf, p. 612–613].

Таким образом, комплекс находящихся в нашем распоряжении источников позволяет произвести реконструкцию условий содержания заключенных с высокой степенью достоверности и выявить произошедшие в течение второй половины XVII — первой четверти XVIII в. изменения.

Для лучшего понимания ситуации с положением колодников следует рассмотреть, во-первых, эволюцию законодательства, посвященного вопросу

установления наказаний, во-вторых, изучить проблемы жизни и быта лиц, находившихся в заключении.

Можно согласиться с дореволюционными исследователями, считавшими, что основы организации и функционирования пенитенциарной системы России были заложены в середине XVII в. [Никитин, с. 1–6; Фойницкий, с. 315; Мещанинов, с. 9]. Как можно увидеть по законодательным актам первой половины — середины XVII столетия, тюремное заключение не являлось распространенной мерой наказания. Мимолетные упоминания о существовании практики тюремного заключения, встречающиеся в записках европейских путешественников и дипломатов, чаще всего связывают тюрьму с наказанием за долги. Указаний на то, что лишение свободы применялось в качестве кары за тяжкие преступления, нет. Описаний мест заключения в текстах также практически не имеется [Олеарий, с. 411, 433].

В Соборном Уложении 1649 г. слово «тюрьма» упоминается несколько раз. Термин используется для определения мест лишения свободы, где в течение определенного срока отбывают наказание за уже установленные правонарушения. Среди них — кражи и разбои, взяточничество, челобитье царю во время службы в храме, бесчестье или нанесение физического вреда человеку на государевом дворе и др. [Соборное Уложение 1649 г., с. 70–71, 76–77, 295]. Всего в Соборном Уложении можно насчитать до 40 случаев, когда тюремное заключение указывается в качестве самостоятельной меры наказания.

Кроме того, тюрьмами в источнике называются места содержания подследственных. Например, ст. 38 гл. XXI «О разбойных и татинных делах» предписывает содержать в тюрьме до передачи на поруки лиц, не признавших свою вину под пытками, обвиненных по «язычной молке» в разбое, татьбе и других тяжких преступлениях [Там же, с. 272]. Несмотря на то, что в большинстве случаев помещения для досудебного содержания подследственных никак не называются или не упоминаются вообще, можно сделать вывод, что в середине XVII в. не было установлено четких разграничений между местами для содержания заключенных и помещениями, использовавшимися для задержания до выяснения обстоятельств.

Нормы Соборного Уложения позволяют выявить позицию власти в отношении тюремных сидельцев. По ст. 9 гл. XXI «О разбойных и татинных делах» видно, что за свое противоправное поведение колодники не только лишались свободы, но и должны были отправляться «в кайдалах работать на всякие изделья». Устанавливалась необходимость строгого контроля над заключенными. Тюремные помещения следовало часто осматривать, чтобы «тюрьмы были крепки, и у тюремных сидельцов в тюрьмах ничего не было, чем им ис тюрьмы вырезатися» [Там же, с. 266–268, 286].

Жизнь бывших заключенных была предопределена. Так как осужденные за тяжкие преступления подвергались обязательной стигматизации (клеймение, вырезание ноздрей или ушей, отсечение пальцев), их перемещения можно было легко контролировать. По окончании отбывания наказания их предписывалось

отправлять на поселение в «украинные города» с письмом за «дьячей подписью» о том, что они выпущены из тюрьмы. Ст. 19 гл. XXI давала четкие инструкции местным администраторам об обращении с теми, «у которых уши резаны, а письма у них» нет. До выяснения всех обстоятельств освобождения и появления соответствующего указа из Москвы, их предписывалось «держать» в тюрьме [Соборное Уложение 1649 г., с. 266–268].

В Уложении были определены и первые источники финансирования строительства тюрем. Ст. 97 гл. XXI оговаривала возведение тюрем «на Москве» из средств Разбойного приказа. Формирование штата тюремных служителей — целовальников, подьячих, сторожей, палачей — происходило на выборных началах. Все тюремные служители получали жалование из денег, собиравшихся для содержания тюрем со всех категорий тяглого населения «по их договору» [Там же, с. 284–285].

Уже в середине XVII столетия встречаются жалобы на переполненность тюрем. Так, Н. С. Таганцев в качестве примера перенаселенности мест заключения приводит отрывок из Муромской губной грамоты 1637 г. Из него следует, что «воеводы в татиные и разбойные тюрьмы сажают всяких людей в исцовых исках, и в холопстве, и в крестьянстве, и оттого татям и разбойникам и оговоренным людям чинится теснота и голод и от тесноты и духу помирают» [Таганцев].

В 1663 г. переполненность тюрем Москвы и царящая в них антисанитария привели государственную власть к мысли о необходимости установить порядок захоронения колодников, умерших в них. Указ от 4 июня определял, что трупы нужно тотчас же передавать родственникам. В случае, если родных усопшего не находилось, деньги на его погребение требовалось получить из Разбойного приказа. Это законодательное установление было вызвано к жизни не только неудовлетворительной ситуацией в самих тюрьмах, но и необходимостью поддерживать порядок в самой столице, чтобы «на кресцы и на улицу мертвых из тюрьмы не возить» [ПСЗРИ, т. 1, с. 577–578].

Анализ законодательных актов последней трети XVII в. показывает, что государство стремилось контролировать количество арестантов, обращая особое внимание на рецидивистов и виновных в совершении тяжких преступлений. Так, «Новоуказные статьи о татебных, разбойных и убийственных делах» 1669 г. дополнили перечень лиц, которых следовало подвергнуть ссылке или тюремному заключению. Наблюдается более активное использование ссылки в качестве наказания за совершение тяжких преступлений. В частности, «на украину» отправляются за умышленное убийство. В Сибири оказываются воры, разбойники и фальшивомонетчики [ПСЗРИ, т. 1, с. 301–302, 421, 583; т. 2, с. 216, 286; т. 3, с. 112–113].

Кроме того, «Новоуказные статьи» 1669 г. предписывали освобождать из тюрем на поруки людей, попавших в заключение по искам, если «исцову правежу нет, и сидят они в тюрьмах лет по пять и больше». Для возмещения материального ущерба от преступления и прочих затрат «животы разбойничьи и татинные» передавались «в платеж» истцам. В тюрьме их долговременно

держать запрещается. Рецидивисты и прочие «воры» могли находиться в тюрьме не более месяца. В документе рефреном повторяется мысль о том, что все дела должны решаться как можно скорее [ПСЗРИ, т. 1, с. 777–800; т. 2, с. 513–514].

Для лучшего исполнения этих предписаний устанавливается система отчетности губных старост о находившихся в их распоряжении заключенных. «Старые тюремные сидельцы» поименно переписывались. В списках требовалось указывать, кто они, «какого чину», в каких преступлениях обвинялись, где были совершены эти правонарушения. Все «росписи» передавались в Разбойный приказ. Правда, такие отчеты перед центральными учреждениями пока не имели регулярного характера [Там же, с. 800].

Таким образом, власти обращали первоочередное внимание на численность и состав содержавшихся в местах заключения колодников и подследственных, но не заботились об улучшении условий их содержания.

Проявление государственного интереса к обустройству тюрем и содержанию в них заключенных наблюдается лишь в первые годы самостоятельного правления Петра Алексеевича. Возможно, первые мероприятия в этой области были связаны с частыми жалобами местной администрации на плачевное состояние тюремных острогов. В 1687 г. был издан указ о создании «комиссии» из подьячих Сыскного приказа для осмотра мест заключения. Каждый подьячий должен был при свидетелях составить отчет о состоянии тюремных помещений, оценить необходимые на ремонт затраты [Там же, с. 908].

Переполненность тюрем центральной России, наблюдавшаяся как из-за роста преступности вследствие Северной войны 1700–1721 гг., так и в результате сосредоточения в тюрьмах большого числа военнопленных шведской армии, потребовала от государства решения вопроса об организации новых мест заключения. Еще одной причиной реконфигурации тюремной системы стало начало проведения модернизационных преобразований конца XVII в. Для реализации социально-экономических реформ требовалась дешевая рабочая сила. Новые тюремные остроги появляются как в Центральной России и Сибири, так и в других малоосвоенных регионах.

В январе 1696 г., например, было принято решение об отправке в Верхотурье заключенных, сидящих в Вологде, а также всех ссыльных из Москвы «из розных приказов». В данной верхотурскому воеводе грамоте содержалось повеление о создании мест для содержания вновь прибывших: «построить двор со стоячим тыном и поставить в нем сколько изб пристойно» [ПСЗРИ, т. 3, с. 218–219]. С 1699 г. начинается высылка колодников и каторжан в Азов, где они трудились под контролем Адмиралтейств-коллегии [ПСЗРИ, т. 3, с. 636; т. 4, с. 210, 217, 228]. С 1705 г. организуется их переброска на строительство Санкт-Петербурга [ПСЗРИ, т. 4, с. 289].

В целом внимание к вопросам наказания и размещения заключенных оставалось незначительным, что хорошо заметно при анализе нормативных правовых актов. Лишение свободы как «общественная мера» в годы правления Петра Великого устанавливается лишь во второй половине его царствования:

в Артикуле воинском 1715 г. и Регламенте Главному магистрату 1721 г. [Филиппов, с. 357, 394].

Одним из немногих мероприятий Сената, направленных на улучшение содержания колодников, стал указ от 1717 г., предписывавший менять солому для их подстилок [Никитин, с. 6]. В целом власти мало занимались обустройством тюремных помещений и вопросами финансирования содержания арестантов.

Каким образом выглядели тюрьмы этого периода? Как отмечает Е. В. Анисимов, основная масса тюрем в России XVIII в. представляла собой остроги, которые находились в эксплуатации с XVII столетия [Анисимов, с. 589].

В воспоминаниях офицера шведской армии Карла фон Роланда тюрьма Галича — города, где он провел какое-то время в качестве военнопленного, — описывается как часть замка воеводы, который был окружен высоким тыном из деревьев, предназначавшихся более для производства мачт, и рвом с водой. Вход в помещения, где содержались арестанты, был очень низким и узким, так что в него приходилось влезать ползком, на входной двери висел большой замок. Тюрьма имела подвальные помещения, где также содержались колодники, находившиеся в духоте и практически полной темноте [Roland, p. 642–643].

В отличие от шведского военнопленного, отечественные историки дают хотя и похожие, но более сдержанные реконструкции российских мест заключения. Например, Г. В. Есипов описывает тюрьму 1710-х гг. следующим образом. «Содержание колодников в то время было очень простое, незатейливое. Возле приказной избы или в другой части города построены были избы одноэтажные, большею частию из двух светлиц, разделенных сенями. Тюремный двор обведен был высоким частоколом, что и называлось “острогом”. Избы стояли окнами на улицу или на площадь, и приходящие могли легко разговаривать с колодниками сквозь железные решетки, прибитые к окнам. Сторож тюремный сидел в шалаше, при тюремном дворе, а солдаты караульные были только при государственных преступниках и дежурили в сенях, а чаще всего в самой избе с колодником» [Есипов, с. 574].

Схожее описание тюрьмы можно найти в делопроизводственных источниках Урало-Сибирского региона. Например, тюрьма при Кунгурской канцелярии судных дел начала 1720-х гг. представляла собой избу, находившуюся недалеко от других административных зданий. Она была обнесена «тыном», на «вольной стороне» которого находился «чулан» тюремных сторожей. Тюремная изба не имела никаких удобств, поэтому заключенные поочередно справляли «нужду телесную» во дворе. Ночью им это делать запрещалось, так как тюрьма запиралась. На засовы и ключ закрывались не только двери тюремной избы, но и ворота «тына». В ночное время при заключенных могло находиться всего два сторожа, один из которых следил за колодниками, ночуя с ними в избе, а другой осуществлял надзор за тюремной оградой [РГАДА, ф. 941, оп. 1, д. 5, л. 1–2 об.].

В целом, как и в XVII в., тюрьмы были разнообразны: каменные, земляные, деревянные срубы с тыном. Они устраивались при государственных учреждениях, в монастырях и иных местах, в том числе и в частных жилищах [Фойницкий,

с. 315; Мещанинов, с. 9–14; Сергеевский, с. 179]. Степень строгости содержания «арестантов» зависела, с одной стороны, от ранга учреждения, при котором находилась тюрьма, с другой — от административно-территориального статуса населенного пункта, в котором она была расположена. Отсутствие в первой четверти XVIII в. четко проработанных законодателями тюремных нормативов требует обратиться к широкому кругу источников для реконструкции мест содержания заключенных.

В документальных источниках данного периода различается содержание в тюрьме и пребывание «под арестом» [РГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 158, л. 15–15 об.]. По мнению некоторых дореволюционных ученых, это разделение сохраняется с предыдущего столетия, когда существовала разница между тюрьмами для уголовников и местами для содержания подследственных и ответчиков по исковым челобитьям, которую, как можно было заметить, законодательные акты XVII в. увидеть не дают [Сергеевский, с. 189–191].

Как и в XVII в., распределение по тюремным избам по роду дел часто не соблюдалось. Это видно по описи тюремных сидельцев Кунгурской судебной канцелярии. Наряду с мелкими и крупными ворами, конокрадами и фальшивомонетчиками, чья вина была доказана, в одной избе содержались беглые солдаты и несостоятельные должники, попавшие в заключение по исковым челобитным. Кроме того, в апреле 1722 г. в Кунгурской судебной канцелярии находились сознавшиеся в своих винах арестанты. Среди них были и мужчины, и женщины. По всей видимости, различения между мужской и женской половинами арестантской здесь не существовало [РГАДА, ф. 941, оп. 1, д. 5, л. 5–9].

То же можно увидеть и на примере тюрьмы Тюменского дистрикта, где вместе с ворами и убийцами сидели беглые татары и крестьяне. В ряде случаев разделения преступников по видам правонарушений не было. Иногда часто использующиеся в источниках выражения «держан в тюрьме» и «держан под караулом» можно приравнять по своему значению [ГАТО, ф. И-181, оп. 1, д. 12, л. 5, 6 об.–7; РГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 158, л. 152, 160 об.–161].

Пожалуй, единственным отличием между сидельцами являлась степень строгости их содержания. Наиболее опасные правонарушители чаще всего заковывались в железные кандалы или деревянные колодки. В случае большого скопления арестантов с целью предотвращения побега их могли сковать по двое, как это было, например, в тюремном замке воеводы Галича в годы Северной войны [Roland, p. 643]. Нормой содержания особо опасных правонарушителей являлось вырывание ноздрей, что предотвращало возможность их побега [ПСЗРИ, т. 7, с. 204].

Караульщики несли личную ответственность за охраняемых [ГАТО, ф. И-181, оп. 1, д. 2, л. 7 об.]. При смене караула колодники передавались «с рук на руки», их «железа» и «кандалы» подвергались тщательному осмотру. Так было в тюрьме Тюмени, которая располагалась в «башнях» — «караульнях» Тюменского острога. В делопроизводстве Тюменской судебной канцелярии мы можем найти названия двух таких башен: Спасская и Егорьевская [Там же, д. 12, л. 5].

Тюрьмы Тюмени находились под присмотром канцелярии воеводского правления. Задание по охране мест заключения служилые люди города получали от воеводы. Глава судебной канцелярии или ее старый подьячий давал начальнику караула особые указания относительно содержания заключенных, попавших сюда из Тюменской судебной канцелярии. Штат охранников в ночное и дневное время состоял из двух караульных (на две башни) и их начальника. Таким образом, несмотря на подчиненность караульщиков воеводе, существовало разделение между колодниками и арестантами судебной и воеводской канцелярий. Чтобы заполучить из-под ареста необходимых лиц, воеводе следовало потребовать их промеморией в судебную канцелярию [ГАТО, ф. И-181, оп. 1, д. 16, л. 10–10 об.].

Кроме специально подготовленных для размещения тюрьмы изб время от времени практиковалось досудебное задержание в домах представителей мирского самоуправления. Описание случаев таких задержаний, датируемых 1725 г., содержится в документах административно-судебных учреждений Каменского уезда [ГАСО, ф. 42, оп. 1, д. 9, л. 679]. Ввиду отсутствия на Каменских заводах судей осуществлением суда и следствия занималась земская контора.

Помимо функции заключения преступников и содержания обвиняемых на период досудебного следствия тюремные остроги Урала и Сибири регулярно использовались для содержания колодников, направлявшихся к следователям в Москву или ехавших в ссылку в самые восточные регионы России. В данном случае они выполняли функции пересылочных тюрем. Кроме того, в 1720-е гг. были часты ситуации, когда колодники передавались из одного ведомства в другое [ГАСО, ф. 24, оп. 2, д. 114, л. 34; д. 101, л. 18 об., л. 456 об.; РГАДА, ф. 282, оп. 1, ч. VI, кн. 21656, л. 388 об.; кн. 21645, л. 8–13; ф. 1015, оп. 1, л. 128 об.].

В связи с транзитным характером территории в местах заключения Урала время от времени наблюдались скученность и «перенаселенность». Так, в 1725–1726 гг. при Екатеринбургской судебной канцелярии содержалось «многое число колодников», которые, как отмечалось в доношении в надворный суд, сидели «без решения в разных делах, в том числе иные есть в смертных убийствах и в деле воровских денег, к которым требуются в караул солдат множество, от чего солдаты весьма караулом отягчены, и опасно, чтоб колодники разбив тюрьмы не разбежались или весьма какой причины не учинили» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 61, л. 186].

Вопрос о содержании колодников был очень серьезным. В надворные и нижние суды периодически поступали распоряжения из Юстиц-коллегии о «недержании колодников без решения долговременно» [РГАДА, ф. 282, оп. 1, ч. VI, кн. 21656, л. 402; ГАСО, ф. 24, оп. 2, д. 114, л. 34]. Маленькие избы были неудачным местом для размещения заключенных, иногда помещения даже не имели небольшого отделения для охранников. Избы было невозможно проветрить, процветала антисанитария. Несмотря на это, власти неоднократно предписывали «крепкому караулу» бдеть и не давать колодникам никакой «воли», «чтоб колодники даже вытти не могли» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 5, л. 114].

Не случайно Юстиц-коллегия часто получала доношения от фискалов, касавшиеся вопроса содержания заключенных. Так, в 1721 г. в коллегию неоднократно писал вятский обер-фискал Кикин, который обвинял вятского городового судью И. Телепнева в том, что он «задерживает колодников года на два и больше», и «от той задержки помирает немалое число» [РГАДА, ф. 282, оп. 1, ч. VI, кн. 21622, л. 15 об.]. Кикин обращал особое внимание на духоту в колодничьей избе.

Воспоминания К. фон Роланда также подтверждают царившую в местах заключения антисанитарию. Находясь под следствием, шведский военнопленный был вынужден провести несколько дней в воеводской избе без каких-либо удобств, а после перевода в места содержания русских арестантов начал жестоко страдать от «паразитов» (вшей) [Roland, p. 633].

Многие арестанты умирали, так и не дождавшись вынесения приговора. Так, в начале 1724 г. в колодничьей Сибирского обербергамта содержалось 14 больных. Из них семеро страдали от болезней ног, двое были «больны руками», четверо недомогали от головных болей, двое — «нутром», один «весь распух», один болел «французской болезнью» и один находился при смерти. Врачебной помощи им оказано не было [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 39, л. 394].

В начале XVIII в. многие заключенные продолжали кормиться за счет мирского подаяния. Это подтверждают указы, разрешающие отпускать колодников, скованных по двое или трое, для сбора милостыни.

Как и в XVII столетии, организация питания и снабжение всем необходимым подследственных ложились грузом на плечи истцов или родных ответчика [Сергеевский, с. 196–197; Мещанинов, с. 10; Фойницкий, с. 316]. В частности, указ от 12 декабря 1720 г. предписывал истцам выплачивать на содержание ответчиков по делу, находившихся в Москве по 1 копейке в день, а в Санкт-Петербурге — по 2 копейки [ПСЗРИ, т. 6, с. 781, 772–773]. Повеления, содержащиеся в указе, фактически касались всей территории государства. Существующие документальные свидетельства также показывают, что родственники могли посетить арестантов в местах заключения [ГАСО, ф. 42, оп. 1, д. 2, л. 6 об.].

В случае отсутствия «кормильцев» из числа родных и близких, в их качестве могли выступать другие люди. Так, одним из немногих каналов с внешним миром и источником пропитания К. фон Роланда были его «слуги», которые также на какое-то время оказались под арестом. В отсутствие возможностей связаться с родными и близкими арестантов-военнопленных спасали только деньги, которые они периодически передавали в обмен на еду своим охранникам [Roland, p. 633, 642].

Некоторых колодников отпускали в сопровождении охраны на «обед». Например, осенью 1726 г. тюменский «вор и смертной убийца» новокрещеный татарин Роман Достафеев обедал «за Тюменкой речкой» «неведомо у кого и в какой слободе». Его препровождал тюремный охранник [ГАТО, ф. И-181, оп. 1, д. 12, л. 6–6 об.].

Заключенные, высланные из центральных регионов России и находившиеся в работе при заводах и иных предприятиях, получали скудное пропитание

от заводской администрации [ПСЗРИ, т. 5, с. 669–670]. Сумма денежных отчислений, направлявшаяся для этих целей, была определена лишь в 1722 г., когда государство установило минимальный норматив — 4 деньги в день.

Скованных в железо колодников часто использовали в работах на уральских железоделательных заводах. Их работа была оценена В. Н. Татищевым 1 копейкой в день [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 70, л. 171 об.]. Таким образом, арестанты сами зарабатывали средства для тюремного содержания и имели возможность выйти из душного помещения. Порой они так и не дожидались заслуженного «провианта», так как его присваивали должностные лица, распоряжавшиеся распределением съестных припасов. Так, в октябре 1724 г. колодники подали в Сибирский обер-бергамт жалобу на дьякона Кирилла Пономарева в том, что он брал провиант за колодников, не отдавая его арестантам [Там же, д. 24, л. 123]. Многие колодники, содержавшиеся в местах, где каторжных работ не предполагалось, не могли найти пропитания даже таким способом. Они голодали [ГАТО, ф. И-47, оп. 1, д. 1988, л. 1].

Как уже было отмечено выше, выполнение разнообразных работ являлось одним из немногих способов вырваться из колодничьей, которым заключенные пользовались для совершения побега. Другими возможностями были выход «по нужде» и поход в баню, несогласованные действия караула на посту и отпуск «на промыслы» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 94, л. 34–34 об.; ГАТО, ф. И-47, оп. 1, д. 1650, л. 21; ф. И-181, оп. 1, д. 2, л. 32; д. 9, л. 13 об.; д. 12, л. 4–4 об.; РГАДА, ф. 941, оп. 1, д. 5, л. 1–5 об.].

Одной из основных причин побегов и «отпусков» колодников из-под стражи являлись низкий уровень финансирования и отсутствие оплаты труда работников судебных канцелярий, которые, поступив на службу, могли не получать жалование годами. Например, присланный Тобольским надворным судом в судебную канцелярию Екатеринбурга отставной солдат Андрей Ларионов не имел стабильного источника доходов, так как ему не было установлено определенного «денежного и хлебного кормового жалованя», и он «служил из доходов» этого учреждения [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 94, л. 374].

Многие «караульщики» не имели оружия, а «тюремные избы» подчас даже не запирались соответствующим образом. Первое упоминание об одном из крупнейших побегов (11 человек) содержится в фонде «Тобольского надворного суда» и датируется 17 апреля 1722 г. Бежали колодники Кунгурской судебной канцелярии, воспользовавшись в первую очередь тем, что охрана избы на тот момент была малочисленна (всего 2 человека) и не вооружена. Не менее часто встречаются сообщения о побегах колодников и тюремных сидельцев и в других дистриктах: Уктусском и Тюменском [РГАДА, ф. 941, оп. 1, д. 5, л. 1–5 об.; ГАТО, ф. И-181, оп. 1, д. 2, л. 7 об.; д. 9, л. 13 об.; д. 12, л. 4].

Единственным мотивом, чтобы хорошо охранять, было наказание за недосмотр. О наградах и денежных поощрениях никогда не упоминалось. В апреле 1722 г. был издан сенатский указ о наказании за побеги из тюрем не только

тюремных сторожей, но и подьячих, занимавшихся судебно-следственной документацией сбежавших [ГАШ, ф. И-224, оп. 1, д. 38, л. 25 об.].

Безусловно, положение заключенных вызывало жалость даже у их надзирателей. В большинстве случаев им делались поблажки. Несмотря на то, что ряд ученых — исследователей истории тюрем XVII–XVIII вв. отмечает, что колодники содержались в строгости, а тюремные избы не отапливались [Мещанинов, с. 11–12], документы, отложившиеся в результате деятельности административно-судебных органов Урала и Сибири, свидетельствуют об обратном. В частности, источники административно-судебных органов Урала и Сибири содержат информацию, что в тюремном дворе Кунгура были размещены поленницы. В первой четверти XVIII в. арестантов даже отпускали в баню [ГАТО, ф. И-47, оп. 1, д. 1650, л. 21].

Таким образом, положение тех, кто попадал в тюрьмы и колодничьи избы, было неудовлетворительным. Для того чтобы выжить, колодникам требовалось быть людьми состоятельными. Только так они могли получить минимум благ, необходимых для жизни. Способов выхода из сложившейся неблагоприятной ситуации было немного: побег, написание челобитных с просьбами выпустить ввиду окончания или продолжительности дела, передача на поруки свидетелей и ответчиков, сидевших по бездоказательным обвинениям [Там же, л. 46].

Среди архивных документов часто встречаются челобитные и поручные записи, благодаря которым многие ответчики, участвовавшие в тяжбах по гражданским искам или проходившие свидетелями по уголовным делам, освобождались из-под ареста [ГАТО, ф. И-47, оп. 1, д. 1649, л. 23–28; д. 1652, л. 2; ф. И-167, оп. 1, д. 3, л. 3; ф. И-181, оп. 1, д. 2, л. 4]. Необходимым условием освобождения являлось обязательство не выезжать из населенного пункта до окончания следствия. Сами судьи стремились отпустить ответчиков и свидетелей «на поруки», чтобы не множить количество заключенных в подведомственных им канцеляриях, колодничьих и тюрьмах.

Можно заметить, что представители власти были порой снисходительны даже к тем преступникам, чья вина была доказана. Несмотря на все попытки государства рационально использовать труд арестантов, все эти начинания наталкивались на ряд препятствий. Они в первую очередь были обусловлены практически полным отсутствием и непоследовательностью политики государства по отношению к организации и содержанию тюрем. Как было показано выше, возможности содержания тюремных острогов Урало-Сибирского региона были ограничены. Это можно заметить даже по местам заключения при воеводских канцеляриях. Каторжные, находившиеся при уральских заводах, находились в особенно стесненном положении, так как их число постоянно росло, а размер площади на одного человека в тюрьме не увеличивался. Порой число колодников в несколько раз превышало количество людей, надзиравших за ними.

Все это привело в конечном итоге к формированию взгляда на заключенных как на мучеников. Тюрьма представлялась «юдолью плача и страдания» [Мещанинов, с. 14]. Арестантам было принято подавать милостыню, а к концу

XVIII — началу XIX в. становится популярной меценатская помощь тюрьмам [Гармс, с. 16].

Активно шедшие в России конца XVII — начала XVIII в. модернизационные процессы не затронули тюремной сферы. Взгляд на нее оставался сугубо традиционным до рубежа XVIII–XIX вв., когда в годы правления Екатерины II появляются проекты тюремной реформы, а при ее внуке Александре I проводится первая реформа пенитенциарной системы страны. Тюремное заключение еще долго не воспринималось как самостоятельный вид наказания.

Акельев Е. В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М. : Молодая гвардия, 2012.

Анисимов Е. В. Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII в. М. : Новое лит. обозрение, 1999.

Гармс О. О. Пенитенциарная система Томской губернии (1804–1861 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2008.

ГАСО. Ф. 24. Уральское горное правление. Оп. 1. Д. 5, 24, 39, 61, 70, 94; Оп. 2. Д. 101, 114; Ф. 42. Каменская земская контора. Оп. 1. Д. 2, 9.

ГАТО. Ф. И-47. Тюменская воеводская канцелярия. Оп. 1. Д. 1649, 1650, 1652, 1988; Ф. И-167. Тюменская губернская ратуша. Оп. 1. Д. 3; Ф. И-181. Тюменская судебная канцелярия. Оп. 1. Д. 2, 9, 12, 16.

ГАШ. Ф. И-224. Далматов монастырь. Оп. 1. Д. 38.

Есипов Г. В. Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии : в 2 т. Т. 1 : Дело 1713–1714 гг. СПб. : Тип. Кожанчикова, 1861.

Курукин И. В., *Никулина Е. А.* Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М. : Молодая гвардия, 2008.

Ловягин А. М. Введение // Олеарий А. Описание путешествия в Московию / пер. с нем. А. М. Ловягина. Смоленск : Русич, 2003. С. 3–19.

Мещанинов И. В. Из истории русской тюрьмы. Лекция, прочитанная 25 марта 1905 г. сенатором И. В. Мещаниновым посетителям Санкт-Петербургского комитета для оказания содействия молодым людям в достижении нравственного и физического развития (Маяк). СПб. : Типолит. С.-Петерб. тюрьмы, 1905.

Никитин В. Н. Тюрьма и ссылка. Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи со времен возникновения русской тюрьмы до наших дней. 1560–1880 г. СПб. : Тип. Г. Шпарварт, 1880.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию // Россия XVII века. Воспоминания иностранцев / под ред. О. Ю. Ивановой. Смоленск : Русич, 2003. С. 257–487.

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собр. 1 : в 45 т. СПб. : Тип. II Отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 1–7.

Пругавин А. С. В казематах. Очерки и материалы по истории русских тюрем. Шлиссельбург, Суздальская тюрьма, Петропавловская крепость. СПб. : Тип. Первой С.-Петерб. трудовой артели, 1909.

Пушкарева Н. Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Женская повседневность в России XVIII–XX вв. : материалы междунар. науч. конф. 25 сентября 2003 года. Тамбов : Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2003. С. 3–11.

РГАДА. Ф. 248. Сенат и его учреждения. Оп. 4. Кн. 158; Ф. 282. Юстиц-коллегия. Оп. 1. Ч. VI. Кн. 21622, 21645, 21656; Ф. 941. Тобольский надворный суд. Оп. 1. Д. 5; Ф. 1015. Кунгурские административные и судебные учреждения. Оп. 1.

Сергеевский Н. Д. Наказание в русском праве XVII века. СПб. : Изд. кн. магазина А. Ф. Цинзерлинга, 1887.

Соборное уложение 1649 года / под ред. М. Н. Тихомирова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1961.

Таганцев Н. С. Курс уголовного права. СПб., 1902 [Электронный ресурс]. URL: https://docs.google.com/document/pub?id=1iCK46BI8KMVg1BULKOxoHTMg-ABtlxSkLaSbPw6qtbU (дата обращения: 16.02.2016).

Филиппов А. Н. О наказании по законодательству Петра Великого в связи с реформою. М. : Университетская тип., 1891.

Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб. : Тип. М-ва путей сообщения, 1889.

Balzamo E., Joukovskaïa-Leserf A. Avant-propos // Cahiers du Monde russe. 2006. 47/3. P. 611–613.

Roland C. von. Souvenirs de captivité en Russie // Cahiers du Monde russe. 2006. 47/3. P. 615–658.

Статья поступила в редакцию 19.02.2016 г.

Бородина Елена Васильевна
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора социальной истории
Институт истории и археологии УрО РАН
620990, Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16
E-mail: sosnovi-bor@yandex.ru

Borodina, Elena Vasilyevna
PhD (History), Senior Research Fellow
Department of Social History
Institute of History and Archaeology, RAS (Ural Branch)
16, S. Kovalevskaya Str.,
620990 Yekaterinburg, Russia
E-mail: sosnovi-bor@yandex.ru

CONDITIONS OF CONFINEMENT OF RUSSIAN PRISONERS BETWEEN THE 2ND HALF OF THE 17TH — 1ST QUARTER OF THE 18TH CENTURIES (With Reference to Ural and Western Siberian Prisons)

The article considers the little studied issue of Russia's penitentiary system development in the 1st quarter of the 18th century. Referring to a variety of sources, such as laws, documentary sources and memoirs of foreigners who visited Russia between the mid-17th — 1st quarter of the 18th century, the author reconstructs the living conditions of prisoners in order to determine the scale of influence of Peter the Great's reforms on the main principles of prison organization and the prisoners' confinement conditions. A comparative and historical analysis helps establish the frequency of imprisonment as a punishment during the period in question, and refers to the differences there existed in the confinement of convicts in the second half of the 17th and the 1st third of the 18th century. The study of primary sources and assessments of prisons contained in the historical books has shown no drastic changes in incarceration conditions during Petrine transformations. As in the previous century, the main contradiction in the life of prisons was the lack of the government's attention to the problem of funding and a tendency to dictate strict requirements to the guarding of convicts. Nevertheless, unlike in the 17th century, prisoners had more opportunities to earn their living as their labour was used in factories and they did other hard work.

K e y w o r d s: Russian Empire; reforms of Peter the Great; penitentiary system; tribunal system; history of Urals; history of Siberia; social history; history of everyday life.

Akel'ev, Ye. V. (2012). *Povsednevnaja zhizn' vorovskogo mira Moskvy vo vremena Van'ki Kaina* [Everyday Life of the Moscow Thieves' World in the Time of Vanka Cain]. Moscow: Molodaja gvardija. (In Russian)

Anisimov, Ye. V. (1999). *Politicheskyj sysk i russkoje obschestvo v XVIII v.* [Political Police and Russian Society in the 18th Century]. Moscow: Novoje literaturnoje obozrenije. (In Russian)

Balzamo, E., & Joukovskaïa-Leserf, A. (2006). Avant-propos [Preface]. *Cahiers du Monde russe, 47/3*, 611–613. (In French)

Garms, O. O. (2008). *Penitentsiarnaja Sistema Tomskoj gubernii (1804–1861 gg.)* [The Penitentiary System of Tomsk Governorate (1804–1861)] (doctoral dissertation abstract). Barnaul. (In Russian)

Jesipov, G. V. (1861). *Raskolnich'i dela XVIII stoletija. Izvlechenija iz del Preobrazhenskogo prikaza i Tajnoj rozysknyh del kantseljarii. Vol. 1. Delo 1713–1714 gg.* [Schismatic Cases of the 18th Century. Excerpts of Cases of the Preobrazhensky Prikaz and Secret Chancellery. Vol. 1. Case of 1713–1714]. Saint Petersburg: Tipografija Kozhanchikova. (In Russian)

Kurukin, I. V., & Nikulina, E. A. (2008). *Povsednevnaja zhizn' Tajnoj kantseljarii* [The Everyday Life of the Secret Chancellery]. Moscow: Molodaja gvardija. (In Russian)

Lovjagin, A. M. (2003). Vvedenije [Introduction]. In A. Olearij. *Opisanije puteshestvija v Moskoviju* (pp. 3–19). Smolensk: Rusich. (In Russian)

Meschaninov, I. V. (1905). *Iz istorii russkoj tjurmy. Lektsija, prochitannaja 25 marta 1905 g. senatorom I. V. Meschaninovym posetiteljam Sankt-Peterburgskogo komiteta dlja okazanija sodejstvija molodym ljudjam v dostizhenii nravstvennogo i phizicheskogo razvitija (Majak)* [From the History of Russian Prison. Lecture Delivered on March 25, 1905 by I. V. Meschaninov to the Visitors of Saint Petersburg Committee to Assist Young People Achieving Moral and Physical Development (Lighthouse)]. Saint Petersburg: Tipolitografija Sankt-Peterburgskoj tjurmy. (In Russian)

Nikitin, V. N. (1880). *Tjurma i ssylka. Istoricheskoje, zakonodatelnoje, administrativnoje i bytovoe polozhenije zakljuchennyh, peresylnyh, ih detej i osvobozhdennyh iz-pod strazhi so vremen vozniknovenija russkoj tjurmi do nashih dnej. 1560–1880 g.* [Prison and Exile. Historical, Legislative, Administrative, and Domestic State of Prisoners, Exiles, Their Children and Released from the Times of Emergency of Russian Prison to Date]. Saint Petersburg: Tipografija G. Shparvart. (In Russian)

Oljearij, A. (2003). Opisanije puteshestvija v Moskoviju [A Description of a Journey to Muscovy] In O. Ju. Ivanova (Ed.), *Rossija XVII veka. Vospominanija inostrantsev* (pp. 257–487). Smolensk: Rusich. (In Russian)

Philippov, A. N. (1891). *O nakazanii po zakonodatel'stvu Petra Vjelikogo v svjazi s reformoju* [About Punishment in Accordance with Peter the Great's Legislation in connection with the Reform]. Moscow: Universitetskaja tipografija. (In Russian)

Phojnitskij, I. Ya. (1899). *Uchenije o nakazanijah v svjazi s tjurmovedenijem* [The Doctrine of Punishment in Connection with Prison Studies]. Saint Petersburg: Tipografija ministerstva putej soobschenija. (In Russian)

Prugavin, A. S. (1909). V kazematah. Ocherki i materialy po istorii russkih tjurem. Shlissel'burg, Suzdalskaja tjurma, Petropavlovskaja krepost' [In Fortress Prison Cells. Essays and Materials on the History of Russian Prisons. Schlisselburg, Suzdal Prison, Peter and Paul Fortress]. Saint Petersburg: Tipografija Pervoj Sankt-Peterburgskoj trudovoj arteli. (In Russian)

Pushkarjeva, N. L. (2003). Predmet i metody izuchenija "istorii povsednevnosti" [The Subject and Methods of Everyday History]. In P. P. Scherbinin, *Zhenskaja povsednevnost' v Rossii XVIII–XIX vekov: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii 25 sentjabrja 2003 goda* (pp. 3–11). Tambov: Izd-vo Tambovskogo universiteta. (In Russian)

Roland, C. von (2006). Souvenirs de captivité en Russie [Recollections of Captivity in Russia]. *Cahiers du Monde russe, 47/3*, 615–658. (In French)

Sergeevskij, N. D. (1887). *Nakazanije v russkom prave XVIII veka* [Punishment in the Russian Law of the 18th Century]. Saint Petersburg: Izdanije knizhnogo magazina A. F. Tsinzerlinga. (In Russian)

Speranskij, M. M. (Ed.) (1830). *Polnoje sobranije zakonov Rossijskoj imperii s 1649 goda* [Complete Laws of the Russian Empire since 1649] (Vols. 1–45). Saint Petersburg: Tipografija II Otdelenija Sobstvennoj Evo Imperatorskogo Velichestva Kantseljarii. (In Russian)

Tagantsev, N. S. (1902). *Kurs ugolovnogo prava* [A Course in Criminal Law]. Retrieved from https://docs.google.com/document/pub?id=1iCK46BI8KMVg1BULKOxoHTMg-ABtlxSkLaSbPw6qtbU. (In Russian)

Tikhomirov, M. N. (Ed.). (1961). *Sobornoje ulozhenije 1649 goda* [The Law Code of 1649]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian)

Received 19 February 2016